

Вместо предисловия

Вот и все. В конце апреля 2000 года окончательно завершился этап моей жизни, связанный с работой в Генеральной прокуратуре. Сложный, яркий, болезненный этап. Но я ни о чем не жалею.

Не жалею — потому, что совесть моя чиста. Потому, что я делал, что мог, чтобы Россия стала страной, где можно жить спокойно и достойно. Чтобы мою Родину не считали страной коррупционеров и преступников. Чтобы жили мы в нашей стране по законам, а не «по понятиям».

С тех пор как меня назначили на должность, писали и говорили обо мне всякое. Чаще — несправедливо и оскорбительно. Иногда — сочувственно. Но редко — объективно... Создавалось впечатление, что меня просто не хотят слышать. Расхожее мнение, постоянно поддерживаемое всеми СМИ, — дескать, Скуратов только обещает рассказать о коррупционерах во власти, но ничего не говорит — то ли боится, то ли сказать нечего.

Мне есть что сказать. Речь не идет о специально собранных досье на различных политических деятелей — я никогда этим не занимался. Мои знания — это материалы объективных расследований по конкретным делам, и я уже устал повторять, что информацию в полном объеме чаще всего можно давать в печать только после того, как расследование закончено и дело передано в суд. Закон должны соблюдать все без исключения.

Именно этот простой постулат я пытался внедрить в жизнь, когда был Генеральным прокурором.

Я пришел в Генеральную прокуратуру как сторонник Ельцина. Мало того, я считался человеком Ельцина — благодаря Свердловску (ныне Екатеринбург), сыгравшему большую роль и в его, и в моей биографии. Я вполне обдуманно согласился на должность Генерального прокурора, отнюдь не собираясь в будущем использовать ее для оппозиции власти. Тогда мне казалось, что я был частью этой власти, — а в известном смысле так и было, до тех пор, пока думал, что власть держится законом, и пытался призвать эту власть к ответственности, заставить ее соблюдать закон и порядок, а это стало для них полной неожиданностью.

Очевидно, обсуждая кандидатуру будущего Генерального прокурора, «серые кардиналы» из ельцинского окружения остановились на мне как на человеке в общем-то далеком от политических интриг и скандалов, занимающемся наукой, «книгочее», которым за просто можно будет руководить.

Просчитались. Они не знали меня: думали, что если у нас хорошо складываются отношения на службе и вне службы (почему бы им и не складываться? В быту я человек не конфликтный), то я буду жить по их правилам, принесу в жертву корректным отношениям свой профессиональный долг, то есть поберегу себя и свою карьеру. Наверное, на моем месте сами они так бы и сделали. Люди ведь, как правило, судят о других по себе.

Я продержался в должности Генерального прокурора три с половиной года. Сейчас многие удивляются — как? Даже в недавнем прошлом Президент России в бытность свою директором ФСБ задавал мне этот вопрос.

Немалую роль сыграло мое профессорское прошлое. Во многих газетах тогда писали обо мне как о будущем «тихом и послушном» Генеральном прокуроре, поэтому некоторое время ко мне приглядывались, присматривались, изучали...

Как сказал обо мне в одном из интервью мой бывший заместитель Михаил Борисович Катышев, Скуратов образца 1995 года и Скуратов сегодняшний отличаются друг от друга, и не только потому, что я стал жестче и лишился всяческих иллюзий, — я изменился и в профессиональном плане.

Когда я пришел в Генеральную прокуратуру, у меня за плечами было маловато «живого» опыта, я не знал многого в прокурорской работе — надо было восполнять пробелы. Ведь что значит провести крупное совещание по конкретному уголовному или арбитражному делу? Или по состоянию надзора в какой-то сфере? Я должен был не только выслушивать подчиненных, но и разбираться в теме, которую мы обсуждаем, до тонкостей, а по возможности знать больше. А чтобы знать больше, я должен в короткий срок «добрать» то, чем мои коллеги на практике занимались десятилетиями. Правда, у меня на руках был сильный козырь: в НИИ прокуратуры мы обобщали практику работы, и научную сторону я знал досконально.

Я тогда пропадал на работе с утра до ночи. Не все понимали, зачем такое усердие: один из моих заместителей, Александр Розанов, говорил, что задача начальника — общее руководство, а не копание в мелочах. Помню, я ему возразил, что это не мелочи: если я на совещании упрекаю людей, то должен точно знать, что поставленная перед ними задача выполнима.

Итак, поначалу я вел себя вроде бы «послушно», ничем себя не проявлял. На самом деле я просто «входил» в работу. Потом мне становилось все труднее и труднее — в Кремле заподозрили, что я провожу независимую линию, и это не понравилось.

Громкие уголовные дела о коррупции в высших эшелонах власти возникли не сразу — это результат длительных наработок. При чем начало было столь незаметным, что никто не мог даже предположить такой оглушительный финал.

Первый звоночек был летом 1996-го — история с деньгами в коробке из-под ксероксной бумаги. Эту историю чуть позже я еще

расскажу, а сейчас только отмечу, что действия президента и то, как я вынужден был вести себя, чуть не подорвали мою репутацию. Но тогда важнее всего для меня было сохранить только-только установившуюся стабильность в работе прокуратуры, и приходилось лавировать...

После истории с коробкой в окружении президента уловили, что Ельцин не обязательно в любом случае будет на моей стороне, и это развязало руки кремлевским деятелям. Потом меня предали некоторые мои заместители... А потом все пошло по пословице «Чем дальше в лес, тем больше дров». Чем упорнее мы работали, чем настойчивее старались раскрывать преступления, тем больше становилось людей, которым работа наша вставала поперек горла. Строго придерживаясь закона, я наживал себе все новых и новых врагов.

По многим уголовным делам позиция прокуратуры решительно не устраивала власти предержавшие — это дело «О захоронении царских останков», дело «О дефолте 17 августа 1998 года».

Очень сложная ситуация для меня как для Генерального прокурора возникла и тогда, когда из-за задержек заработной платы почти на всей территории России народ вышел на рельсы: бастующие стали перекрывать железнодорожные пути. С одной стороны, я понимал, что люди доведены до отчаяния, с другой — то, что они делали, было смертельно опасно для страны. Идут эшелоны с грузом стратегического назначения, с грузом, без которого встанут электростанции, домны, заводы, а их не пропускают... И я должен был возбуждать дела против тех, кто мешал продвижению грузов. Какую ответственность я брал на себя! Действия прокуратуры вызывали тогда в народе массовое недовольство. Но как же поступать иначе, если ты представляешь закон!

Нелегко было принимать решение и тогда, когда наши правители решили обменять чеченских бандитов, арестованных в Первомайске, на молоденьких ребят-омоновцев, попавших к чеченцам в плен. Они требовали, чтобы я прекратил дело и отдал чеченцев. Но это противозаконно, бандиты совершили преступления и должны были ответить за них перед судом. И я сказал: «Если хотите, проводите это как политическое решение. Я как прокурор ничем помочь вам не могу».

В итоге выход был найден: Государственная дума приняла решение об амнистии. Хорошо это или плохо — ответить непросто. Но закон не был нарушен.

Прокурорская независимость в нашей стране дорого стоит. Я это почувствовал довольно быстро. С того времени, когда регулярно по средам у здания Генеральной прокуратуры стояли люди с плакатами: «Допой Скуратова!». Правда, потом выяснилось, что, отстояв положенное время, они шли расписываться в ведомости и получать за это деньги. Кто их нанял? Кому это было выгодно? А тому, кому наши расследования «прищемили хвост». И о них я тоже пишу в этой книге.

Кстати, откровенно могу сказать, что на возбуждении дел о коррупции я настаивал отчасти и из соображений личной безопасности. Любая деятельность прокурора поставлена в четкие процессуальные рамки. И если бы я по тому же «Мабетексу» не возбудил уголовное дело — вот тогда меня можно было бы также привлечь к ответственности.

Стоящие у власти меня решительно не понимали — в какой-то мере я стал жертвой невысокого уровня правового сознания российской правящей элиты вообще и президента Ельцина в частности.

С этой правовой безграмотностью мне приходилось бороться едва ли не с первых шагов в должности Генерального прокурора. Когда президент дает личные указания Генеральному прокурору по конкретному уголовному делу — это незаконно и недопустимо. Как тут быть? Воспользоваться услугами прессы — значит пойти на конфликт с президентом, а в нашем, по сути, авторитарном государстве это означало поставить крест на работе. Журналисты же частенько так описывали наши с ним встречи, что читатели и зрители новостных передач имели полное право считать — президент указывает Генеральному прокурору, что делать, а тот молча глотает указания. Но поверьте, не было так никогда! Да, мне приходилось лавировать, применять разные дипломатические уловки, но от закона по воле президента я ни разу (!) не отступил.

Хотя правовая безграмотность руководителей страны в общем-то понятна: трудно принять принципы демократии, если сознание насквозь пропитано авторитаризмом. У нас всегда соблюдалась жесткая вертикаль власти: тот, кто на вершине, всегда прав и может отдавать какие угодно указания и кому угодно.

Президент Ельцин напрочь игнорировал решения суда, решения Совета Федерации. Да ни в одной демократической стране президенту так вести себя бы не позволили!

Разделение властей Ельцин признавал на словах, но не на деле. Какое такое разделение? Он же — ПРЕЗИДЕНТ!

Через президентское «указное право», которым подменяли законы, решались многие важные государственные вопросы, находящиеся в компетенции законодательной власти. Например, приватизация — одна из самых криминальных страниц истории России — была проведена на основании указов президента.

У нашего президента помимо обычных полномочий, прописанных в Конституции (кстати, необычайно широких), есть еще и так называемые «скрытые полномочия»! Они основываются на общих формулировках типа «Президент — гарант того-то и того-то». А раз гарант — значит, делаю, что хочу! А ведь само понятие «полномочия» предполагает, что Президент может делать только то, что конкретно прописано в законе...

Независимая деятельность прокуратуры — а такой она должна быть в правовом и демократическом государстве — несовместима

с философией хозяина страны, находящегося вне всяких правовых границ и рамок.

Вообще в нынешней России — коррумпированной, криминальной стране — нормальный, честный прокурор обречен. Если нет политической поддержки у Генпрокурора — его участь незавидна. Это я понимал. Понимал, что дай мне Бог доработать хотя бы один обычный срок (Генеральные прокуроры назначаются на 5 лет), а скорее всего и одного не вытяну — слишком сильно противодействие: подготовят какую-нибудь провокацию, и чтобы свести на нет разворачивающееся вокруг коррупционеров расследование, устроят громкий скандал. Против меня...

Так и произошло.

Эта книга написана не для того, чтобы в чем-то оправдаться. С одной стороны, я надеюсь, что те потоки грязи, которые выливались на меня, все же меня не испачкали. С другой — не хочу себя идеализировать: я обычный человек, с достоинствами и недостатками, конечно, допустил ряд важных ошибок. Но поверьте мне, я искренне хотел честно исполнить свой служебный долг.

Эта книга писалась уже после того, как я покинул пост Генерального прокурора России. Поэтому я искренне благодарен Александру Хинштейну, Владимиру Иванидзе, Андрею Камакину, Игорю Королькову, Олегу Лурье, Георгию Рожнову и многим другим журналистам, чьи блестящие профессиональные расследования, на которые я ссылаюсь в тексте, стали важным дополнением начатого мною следствия по делу «Мабетекса» и ряда других сенсационных дел.

В основе этой книги не только мои воспоминания, но в первую очередь — документы: Генеральной прокуратуры России, прокуратуры Швейцарии, так или иначе касающиеся интересующей нас темы.

Эта книга — расширенная и дополненная версия уже изданного и хорошо принятого читателем другого моего труда под названием «Вариант дракона». Задача, которую я поставил перед собою в этот раз, — рассказать, чем жила и как работала прокуратура в те несколько последних месяцев, пока я еще исполнял обязанности Генерального прокурора. О той борьбе, которую я вел, о тех несправедливостях, которые мне пришлось перенести, отстаивая свое, надеюсь, честное имя, когда я уже был отстранен.

И если кто-нибудь лет через десять-двадцать-тридцать заинтересуется жизнью России на рубеже тысячелетий, пусть судит об этом времени не только по газетным статьям — бабочкам-однодневкам, — но и по этой книге тоже.

Глава 1

В ЦКБ У ЕЛЬЦИНА

Начать эту книгу я хочу с одного из самых драматических событий, нарушив тем самым хронологию и забежав далеко вперед.

Весна. Середина марта. Был ясный солнечный день — помню это прекрасно. Свежий, слегка морозный воздух и сверкающий на солнце таявший снег напоминали о скорой весне.

Но на душе было тяжело. Хотя, если подумать, поводов для тоски и грусти у меня в общем-то не было. Наоборот, буквально накануне, 17 марта, я одержал очень важную для себя победу. В тот день на заседании Совета Федерации обсуждался вопрос о моей отставке с поста Генерального прокурора России. Результаты голосования ошеломили не только тех, кто следил за развитием событий, но, честно говоря, и меня самого. Готовившегося к худшему: 143 человека проголосовали против отставки и только шесть — за.

Буквально через несколько часов после этого решения мне сообщили, что на завтра, 18 марта, меня вызывает к себе президент.

И вот теперь я ехал к нему. В так называемую «кремлевскую больницу», куда Ельцин в очередной раз попал на лечение и откуда, из постели, «управлял» огромной страной.

В то утро к тяжелому чувству от предстоящей встречи с президентом присоединилось еще одно — гадливости и обиды.

Едва рассвело, мне позвонил Владимир Метелкин — генеральный директор нашего загородного комплекса на реке Истре, куда работники прокуратуры приезжали в свободное время отдохнуть или подлечиться. Он сообщил, что ночью по второму каналу телевидения показали пленку, на которой человек, похожий на Скуратова, занимался амурными делами с проститутками...

На душе сразу стало мерзко, противно. О существовании этой фальшивки я уже знал, понимал, что люди, изготовившие ее, не останутся ни перед чем, но чтобы так, публично, на всю страну...

Звонок Метелкина светлых красок к настроению не добавил, но хорошо, что он предупредил меня и в случае чего эта «новость» не станет для меня неожиданной.

Резкий поворот с многорядной и шумной трассы на тихую неширокую дорожку, шлагбаум милицейского поста, и вот проглядывают сквозь еловые ветки корпуса кремлевской больницы. Уже перед входом вдруг ловлю себя на том, что думаю не о себе и даже не о предстоящем, наверняка тяжелом разговоре, а о президенте, о его роли в жизни страны.

Казалось бы, по главному своему предназначению он — гарант Конституции РФ и законности. Но, увы, этим гарантом президент наш оказался лишь на словах... Он не был гарантом ни в 1993 году, когда танки в упор расстреливали здание парламента, ни когда отправлял молодых солдат на бойню в Чечню. Он не был гарантом и весной 1996 года, когда во имя сохранения своей власти намеревался разогнать Государственную думу (об этом я еще расскажу), не был он им и в случае со мной. Выступая на стороне клеветников и шантажистов, президент фактически становился их сообщником... Как ни грустно, но в основе всей его деятельности лежало, к сожалению, одно — пренебрежение к закону, замешанное на сознательной вседозволенности: ему, как царю, можно все. Правда, и прокуратура не проявила в этом вопросе достаточной принципиальности.

Нелегкие мысли прервал резкий звонок мобильного телефона. Слышу голос знакомой журналистки из телекомпании НТВ:

— Юрий Ильич, извините, не могли бы вы прокомментировать ночной показ пленки по РТР?

В висках, пульсируя, застучала кровь. Едва сдерживаюсь, чтобы не выплеснуть из себя вдруг откуда-то появившуюся злость...

Странная сложилась ситуация с показом этой пленки. Решение Совета Федерации к тому времени уже состоялось, голосование известно: 143 против шести. Как говорится, комментарии излишни. По логике, показывать пленку надо было до заседания Совета Федерации, до голосования... Этот ночной показ!.. Что это — проявление бессильной злобы, страха? Да, скорее всего — страха! Значит, они боятся. И прежде всего разоблачений, уличения в воровстве, во взяточничестве, в том, что они ободрали страну, сделали людей нищими, а себя непомерно богатыми.

— Считаю, что это — форма давления в связи с расследованием крупного уголовного дела, — сказал я в трубку.

— Какого дела? — В голосе журналистки звучит нескрываемый интерес.

— Дело... — я задержал дыхание, решая, назвать или не назвать фирму, которой это касается напрямую. — Швейцарской фирмы «Мабетекс».

Так я впервые на всю страну назвал фирму, связанную преступными нитями с кремлевской верхушкой.

— Давление же на меня оказывают те, кто боится проводимого Генпрокуратурой расследования, — добавил я.

Сказать больше я ничего не мог, не имел права...

Двери лифта бесшумно раскрылись, и я поднялся на этаж, где находилась палата президента. Первый, кого я увидел, был Юрий Крапивин — начальник Федеральной службы охраны. Едва поздоровавшись, он затеял разговор о смене моей охраны. Дело в том, что Генеральный прокурор — один из восьми охраняемых государством лиц. В эту восьмерку входят сам президент, премьер-министр, председатели трех высших судов России — Верховного, Арбитражного

и Конституционного, председатели двух палат парламента и Генеральный прокурор... Подобный разговор Крапивин вел со мной еще в феврале, но тогда я резко высказался против: мы начали расследовать дела, связанные с самыми могущественными людьми России, и смена привычной охраны могла оказаться чреватой самыми печальными последствиями.

Категорически против смены охраны я был и в этот раз.

— Юрий Васильевич, — сказал я ему достаточно резко, — я уже предупреждал вас, что если вы поменяете охрану, я объявлю об этом всенародно и выскажу свои соображения по поводу того, зачем вы это делаете. Вы этого хотите?

Лицо Крапивина сразу сделалось кислым, и он от меня отстал.

Следом в коридоре повстречался Якушкин. Пресс-секретарь Ельцина прошел мимо меня, не повернув головы и не поздоровавшись. От мелочности этого поступка стало ужасно неприятно. Впрочем, от человека, который столько лжет, утверждая, что президент работает по шестнадцать часов в сутки, вряд ли можно было ожидать чего-либо иного.

В палате-кабинете президента находились трое: сам Ельцин, тогдашний премьер-министр Примаков и Путин — в то время директор Федеральной службы безопасности и секретарь Совета безопасности. «Если президент руки не протянет, — я поступлю так же», — подумал я, вспомнив пресс-секретаря Якушкина. Ельцин приподнялся в кресле и поздоровался за руку.

На столе перед ним лежали видеокассета с приключениями «человека, похожего на генпрокурора», и тоненькая папка с материалами. Он ткнул пальцем в торец стола, где стоял стул. Сам он сидел за столом в центре, вертел в руке карандаш, нервно постукивая им по кассете. У стола, по обе стороны от Ельцина, сидели Примаков и, как-то странно ссутулившись, — Путин.

Несколько минут стояла мертвая тишина. За окном ярко светило солнце. Воздух был розовым, бодрящим, на подоконнике и ветках шебаршили птицы. Серебристо блестя, кружились мелкие снежинки.

Наконец Ельцин откинулся на спинку кресла, тяжело отдышался и произнес:

— Вы знаете, Юрий Ильич, я своей жене никогда не изменял...

Такое начало меня обескуражило, но не больше. Я понял: говорить что-либо Борису Николаевичу, объяснять, доказывать, что кассета фальшивая, добыта неизвестно откуда, не может быть предметом официального обсуждения, совершенно бесполезно. Что по закону, фактически обвиняя меня, все они трое становятся соучастниками преступления.

И вдруг до меня, как сквозь вату, доходит голос президента:

— Впрочем, если вы напишете заявление об уходе, я распоряжусь, чтобы по телевизионным каналам трансляцию пленки прекратили.

А вот это уже был элементарный шантаж, откровенный и неприкрытый. Я молчал и смотрел на президента, краем глаза заметил, что Примаков и Путин с интересом наблюдают за мной: Путин — жестко, с неприятной ухмылкой, Примаков — сочувственно.

Итак, первая фраза президента прозвучала, вызвав в душе некий холод, но я молчу, жду, что будет дальше.

— В такой ситуации я работать с вами не намерен, — вновь произнес президент, — и не буду...

Я молчу, президент тоже замолчал.

— Борис Николаевич, вы знаете, кто собирается меня увольнять? — сказал я. — Коррупционеры. Те, кто проходят по делу «Мабетекса». — Я назвал несколько наиболее громких фамилий, фигурирующих в этом деле. — Скорее всего, это их работа.

— Нет, я с вами работать не буду, — упрямо повторил Ельцин.

Понимая, что я могу перехватить инициативу, в разговор включился Путин.

— Мы провели экспертизу, — сказал он, обращаясь к президенту, — кассета подлинная.

Не может того быть! Я даже растерялся от неожиданности. Как может быть подлинным то, чего никогда не было. Но больше поразило даже другое: ведь экспертизы проводятся в рамках уголовного дела... Но дела-то никакого нет. Уж Путин-то, будучи юристом, такие элементарные вещи должен был знать.

— Тут есть еще и финансовые злоупотребления, — добавил Ельцин.

Мне вдруг стало очень больно: я не то чтобы присвоить чей-нибудь рубль — я даже пачку скрепок не мог позволить себе унести с работы; если у меня их не было, то просил жену сходить в магазин. И вдруг такое несправедливое обвинение, удар под дых. Я почувствовал, что у меня даже голос дрогнул от возмущения и неверия в то, что я услышал:

— Борис Николаевич, я никогда не совершал никаких финансовых злоупотреблений. Ни-ко-гда. Можете это проверить где угодно!

В разговор включился Примаков. Он говорил мягко, без нажима. Понимая всю подоплеку этой ситуации, он сочувствовал мне. Но он также понимал и другое: его пригласили для участия в этом разговоре специально, чтобы в будущем связать ему тем самым руки, не позволить встать на мою сторону.

Что меня больше всего удивило в этом разговоре? Не кассета. Фальшивка — она и есть фальшивка. Другое. Во-первых, игнорирование правовой стороны дела. Во-вторых, неуважительное отношение к Совету Федерации, его решению. Ведь вся эта разборка происходила на следующий день после его заседания, как противодействие тому, что уже случилось. В-третьих: нежелание «семьи» — людей, действующих за спиной президента, манипулирующих им, — дать мне возможность переговорить с ним один на один. Для этого и были подключены Примаков и Путин. Хотя я готовился к беседе наедине.

— Надо написать новое заявление об отставке, — безапелляционно объявил Ельцин.

— И чем же его мотивировать? Ведь Совет Федерации только что принял решение.

— Пусть это вас не заботит. Пройдет месяц... на следующем своем заседании они рассмотрят новое заявление...

— Но это же неуважение к Совету Федерации.

Ельцин в ответ только хмыкнул. Понятно, где он видит этот Совет Федерации. В комнате повисло тяжелое молчание. Решать надо было немедленно... Ясно было одно: любым путем необходимо выиграть время. Но как? Сейчас главным для меня было мнение лишь Примакова. Я всегда относился к этому человеку с огромным уважением, прислушивался к его советам. Что он скажет теперь? Но раз он находится здесь, то понятно что. И он сказал:

— Юрий Ильич, надо уйти. Ради интересов прокуратуры. Да и ради своих собственных интересов.

Да, нужно обязательно выиграть время. Это необходимо как воздух. Уже запланирован визит в Москву швейцарского Генпрокурора Карлы день Понте. Ее приезд наверняка позволит открыть в деле о кремлевских коррупционерах многие закрытые карты. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Да и вообще, нужно довести расследование по «Мабетексу» до такой стадии, когда это дело уже «развалить» будет невозможно.

— Хорошо, заявление я напишу. Следующее заседание Совета Федерации запланировано на шестое апреля. Если я напишу заявление сейчас, то произойдет утечка информации, прокуратура за это время просто развалится... — Я почувствовал тяжелый, непонимающий взгляд президента и пояснил свою мысль: — Я напишу заявление сейчас, но дату поставлю апрельскую, пятого апреля — самый канун заседания Совета Федерации.

— Ладно, датируйте пятым апреля, — согласился президент.

Ход был правильный. Если бы я не написал заявление, то против меня наверняка были бы приняты резкие меры, вплоть до физического устранения — от киллерского выстрела до наезда на мою машину какого-нибудь огромного, груженного кирпичами грузовика, — эти методы освоены в совершенстве...

Так с 18 марта по 5 апреля я получил возможность действовать, довести до конца начатые дела, продвинуть вперед историю с «Мабетексом». В конце концов, люди должны знать, какое беззаконие творится на кремлевских холмах и как обходятся с теми, кто пытается этому противостоять.

Валым движением президент подтолкнул в мою сторону чистый лист бумаги. Я уже достал из бокового кармана пиджака ручку, как внезапно лицо президента стало каким-то серым, он схватился за сердце, медленно приподнял другую руку, поморщился. Хрипло и тяжело дыша, он вышел из комнаты. Лица Примакова и Путина напряглись.

Минут через десять, потирая на предплечье место инъекции какого-то стимулятора, Ельцин вернулся и грузно опустился в кресло.

Я молча написал заявление и протянул его президенту. Примаков и Путин облегченно вздохнули.

Выйдя из больничного корпуса на улицу, я хотел было сразу сесть в машину и уехать — слишком уж муторно и противно мне было — но Примаков задержал меня:

— Юрий Ильич, вы знаете, я скоро тоже уйду. Работать уже не могу. Как только тронут моих замов — сразу уйду...

На душе стало немного легче. Создалось впечатление, что эти-ми словами Примаков как бы пытался сгладить ситуацию, оправдаться. Я понимал, насколько ему неприятно — ведь он попал меж двух огней, — но должность его не позволяла сказать то, что он хотел сказать.

Выходит, и премьер тоже чувствует, как над его головой сгущаются тучи и плетется липкая паутина. Я молча пожал ему руку, сел в машину и поехал на работу, на Большую Дмитровку.

Я нашел в себе силы как ни в чем не бывало начать трудовой день. Я старался держаться, старался не подавать виду, что мне тяжело. Один Бог знает, чего мне это стоило!

Конечно, все были в курсе того, что произошло, многие видели ночью по телевизору скандальную видеопленку. Было очень тяжело... Ловить на себе косые взгляды и не иметь возможности объяснить, что все это ложь. И все же, при всей мерзости показанного, пленка эта имела один немаловажный для меня положительный момент: благодаря ей я прозрел, я по-настоящему увидел, кто есть кто среди тех, кто еще несколько дней назад называл себя моим другом. Я видел, как кое-кто из высокопоставленных особ, которые раньше первыми спешили поздороваться со мной, подобострастно улыбнуться, сейчас, проходя в полуметре от меня, совершенно меня не замечает. Видимо, считают — со мною покончено.

Но было и другое отношение, причем совершенно для меня неожиданное. Так, в прокуратуре меня поддержали в основном рядовые сотрудники, с которыми я и знаком-то толком не был. Они меня подбадривали, когда я заходил в кабинеты, угощали — кто чаем, кто бутербродом, — и это было очень трогательно. А вот некоторые заместители мои — те самые, которых я лично назначил на эти места, которым повесил на погоны большие генеральские звезды, — все усилия бросили на спасение своих должностей, забыв, как выяснилось позднее, и о чести, и о совести. Справедливости ради — не все. Активно поддержал меня Михаил Катышев — один из лучших следователей России, принципиальнейший, хотя и жесткий человек. Он сразу сказал, что во всю эту гадость, которая развернулась вокруг меня, не верит, что понимает, кто и что за всем этим стоит. Что, как и прежде, что бы ни случилось, он будет меня поддерживать. Думаю, Катышев уже тогда отчетливо понимал, каким боком может выйти ему эта принципиальность. Так оно и оказалось: вскоре его от работы в Генпрокуратуре отстранили. С молчаливым сочувствием ко мне относились тогда Владимир Давыдов, Василий Колмогоров, Сабир Кехлеров...

Глава 2

«МАБЕТЕКС»: КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

КОНВЕРТ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

Когда я пришел в Генпрокуратуру, то понял: если буду разбрасываться, хвататься за одно, другое, третье, как это довольно часто бывает у только что назначенных руководителей, работа просто-напросто съест меня. Надо было выбирать что-то главное, все остальное этому главному подчинить, распределить: это во второй ряд, это — в третий, это — в четвертый и так далее...

Я определил два основных направления в борьбе с преступностью: коррупцию и заказные убийства.

Примерно так же я размышлял и над схемой моих будущих международных контактов и поездок: мне очень не хотелось, чтобы поездки эти оказались впоследствии сумбурными и мало приносящими пользы. Как я понимал, одной из главных задач, стоявших перед Генеральной прокуратурой на тот момент (да и сейчас, впрочем), должна была стать тесно примыкающая к теме коррупции борьба с отмыванием доходов, добытых преступным путем, за счет вывоза капиталов из России.

Почему именно эту задачу я поставил для себя в ряду первоочередных, надеюсь, объяснять подробно не надо. Начиная с середины 90-х каждый год из страны происходит «утечка» колоссальных сумм, исчисляемых миллиардами долларов США. Это наши отечественные коррупционеры и махинаторы разного масштаба и пошиба при помощи всевозможных ухищрений — так, на «черный день», не выплачивая налоги и в обход законодательства, — перемещают за границу полученные жульническим путем деньги. Но это еще полбеды. Ведь деньги эти, уже «отмытые», иными словами — легализованные, как правило, в Россию уже никогда не возвращаются, а остаются в зарубежных банках, принося доход не нашей стране, а США, Швейцарии или каким-нибудь далеким Каймановым островам.

А в это время на тысячах российских предприятий и учреждений месяцами задерживается зарплата — нет денег. А тут еще подкатывает срок выплат зарубежных кредитов... И государству, чтобы выплатить набежавшие проценты, остается лишь «ужимать» всех остальных своих законопослушных граждан, отказывая им в повышении заслуженных пенсий, пособий, зарплат... Вернись эти потерянные для России капиталы обратно, и многих проблем, стоящих сегодня перед нашей страной, думаю, просто бы не существовало.

Анализ ситуации привел меня к выводу, что борьбу за возвращение нелегально вывезенных из России капиталов мы должны начинать со знакомства с офшорами, куда из-за их исключительно льготной налоговой политики в основном и стекались из России «грязные» доллары и фунты. Поэтому, для того чтобы на месте разобраться в конкретной ситуации, познакомиться и скоординировать наши действия с руководителями правоохранительных структур интересующих нас офшоров, я запланировал для себя и других работников Генпрокуратуры поездки на Кипр и в целый ряд других далеких и близких нам государств. Стояла в этом списке и Швейцария.

Вы спросите: при чем здесь Швейцария и офшор? Объяснение очень простое. Конечно, таких же налоговых льгот, как офшоры, Швейцария не дает. Но существует миф о том, что сверхпрочная тайна швейцарских банков соблюдается свято и незыблемо, причем должен сказать, что в принципе это соответствует истине. Банковская система этой страны престижна, она имеет многовековые историю и традиции. Вот поэтому-то многие наши бизнесмены, коммерсанты и высокопоставленные чиновники и стремятся поместить в банки Цюриха и других городов Швейцарии свои капиталы, открывая там многомиллионные валютные счета.

Занося Швейцарию в наш список, я исходил из того, что эта страна, по сути, тот же офшор. Здесь, на берегах Женевского озера, действует правовой режим, который позволяет любому желающему без проблем открывать счета, создавать финансовые структуры. Там легко проводятся финансовые операции, нет привычного для нас финансового контроля и проверок: откуда в банк поступили деньги и куда они будут впоследствии переведены. С другой стороны, Швейцария известна и тем, что ее правоохранительные органы не выполняют отдельные виды международных поручений. К примеру, если нарушение было связано с невыполнением налоговых законов, то Швейцария даже не будет рассматривать это международное поручение.

Поэтому планирование моей поездки в эту маленькую горную страну было для российской Генпрокуратуры вполне осознанным шагом, направленным на установление контактов со швейцарской правоохранительной системой.

* * *

В сентябре 1997 года я начал готовиться к поездке. Активно помогал нам в этом тогдашний посол России в Швейцарии Андрей Степанов. Помимо «утраски» визовых и прочих чисто технических проблем он предоставил нам ночлег в посольском здании, много помогал советами как человек, довольно долго проживший в этой стране и хорошо знавший все тонкости ее обычаев и культуры. Правда, впоследствии, когда выяснилось, что его дочь является сотрудницей одной из структур «Мабетекса», отношение посла к приезжавшим в Швейцарию работникам Генеральной прокуратуры стало не столь любезным.

Первая моя поездка в Швейцарию была больше ознакомительной, чем деловой. Наша маленькая делегация состояла из трех работников прокуратуры. Кроме меня в нее входили прокурор Свердловской области Владислав Туйков и начальник одного из управлений Генеральной прокуратуры Георгий Смирнов. Как помню, швейцарцы встретили нас достаточно настороженно, и поначалу дальше каких-то официальных, казенных фраз разговор не шел. Они присматривались к нам, мы к ним, шло естественное «прощупывание» друг друга.

Тем не менее нам удалось познакомиться практически со всеми ключевыми фигурами швейцарской прокуратуры: с прокурором кантона Женева Бернаром Бертосса, прокурором кантона Тичино (со столицей в городе Лугано, где до сих пор находится штаб-квартира «Мабетекса») Жаком Дюкри, со следователем Даниэлем Дево и, конечно же, с госпожой Карлой дель Понте, Генеральным прокурором Швейцарии. Каждый из них впоследствии сыграет очень важную роль в начатом нами совместном расследовании.

Забегая вперед, могу сказать, что поездка наша в общем получилась очень удачной. Потихонечку лед отчужденности растаял, и в итоге нам удалось для столь короткого визита (он длился всего три дня) сделать довольно много: мы обсудили идею совместного меморандума, договорились о создании двусторонней рабочей группы по борьбе с отмыванием преступных доходов, с организованной преступностью и коррупцией. Важным было принятое нами решение о регулярном обмене информацией, о координировании совместных действий. Ну а для того, чтобы отношения между прокуратурами наших стран развивались по восходящей, на весну 1998 года был запланирован приезд в Россию госпожи дель Понте.

Вернувшись домой, мы обсудили итоги поездки и признали «швейцарское направление» для дальнейшей работы очень перспективным. Поэтому абсолютно естественным было наше желание и стремление не ударить в грязь лицом, когда в мае 1998 года Карла дель Понте посетила с ответным визитом Москву.

Швейцарцев мы принимали широко, по-русски. Была подготовлена прекрасная культурная программа, включавшая посещение спектакля в Большом театре, музеев и церковей Кремля, Третьяковской галереи. Не меньшее впечатление на гостей произвели и изыски традиционной русской кухни, которые они отведали под чарующие напевы цыганского ансамбля в одном из банкетных залов «Метрополя».

Но самое главное — столь же плодотворной оказалась и деловая часть наших переговоров. Как и планировалось, 23 апреля 1998 года мы подписали предусматривающий многостороннее сотрудничество меморандум, договорились не только об обязательстве выполнения международных поручений, но и о регулярном обмене оперативной информацией. К концу переговоров мне было очень приятно констатировать, что между российской и швейцарской прокуратурами был установлен самый настоящий режим взаимного доверия.